

УДК 811.133.1
UDC 811.133.1

Становая Лидия Анатольевна

**Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Lydia A. Stanovaia

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

e-mail: lida_stan@mail.ru

**ФРАНСИЙСКИЙ КАК КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ В ИСТОРИИ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА***
**FRANCIEN AS A STUMBLING BLOCK IN HISTORY OF THE
FRENCH LANGUAGE**

Аннотация

Критика концепции формирования французского языка на базе франсийского диалекта, представленной в трудах XIX–XX веков, привела к тому, что термин и понятие «франсийский» стал своеобразным камнем преткновения в решении многих вопросов формирования и эволюции французского языка. Анализ критики традиционной истории французского языка, дискуссий по поводу формирования французского языка и роли франсийского диалекта в этом процессе, вопросов диатопической вариативности французского и старофранцузского языка показал теоретическую и методологическую важность последовательного разделения языка и письменности, диалекта и скрипты, текста произведения и текста рукописи. Анализ аргументов, приводимых противниками франсийского диалекта и его особой роли в истории французского языка, показал их несостоятельность. Выделение франсийского диалекта и франсийской скрипты как диалекта и скрипты Иль-де-Франса необходимо для адекватного описания лингвистической ситуации в старо- и среднефранцузский периоды.

Abstract

Criticism of the concept of the formation of the French language on the basis of the francien dialect, presented in the works of XIX–XX centuries, has led to the fact that the term and the concept of «Francien» has become a kind of stumbling block in solving many questions of the formation and evolution of the French language. Analysis of the criticism of the traditional history of the French language, of the discussions about the formation of the French language and the role of the Francien dialect in this process, of the questions of the diatopic variation of the French and Old French showed the theoretical and methodological importance of consistently separating the language and writing, dialect and scripta, text of the work and text of the manuscript. The analysis of the arguments given by the opponents of the Francien dialect and its special role in the history of the French language showed their failure. The selection of the Francien dialect and the Francien scripta as dialect and scripta of Ile-de-France is necessary for an adequate description of the linguistic situation in the Old and middle French periods.

* Настоящая статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ №19-012-00297.

Ключевые слова: история французского языка, историческая диалектология, скриптология, франсийский диалект, франсийская скрипта.

Keywords: history of the French language, historical dialectology, scriptology, francien dialect, francien scripta.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_164_199

1. Введение

Длительная критика основной концепции формирования французского языка, широко представленной в известных работах XIX–XX веков, привела к распространённому в современной истории французского языка мнению об отсутствии франсийского диалекта вообще.

Как известно, термин ‘франсийский’ (*francien*) был введён Г. Парисом [Paris, 1889, с. 475] в конце XIX века для обозначения диалекта Иль-де-Франса. Это было необходимо, с одной стороны, для того, чтобы разделить и обозначить разные понятия – ‘французский язык’ как язык Франции vs ‘франсийский диалект’ как диалект одного из районов Франции: исторически они назывались одинаково «французский» (*franceis, francois, français*). С другой стороны, было необходимо упорядочить терминологию, сложившуюся в исторической диалектологии французского языка к концу XIX века: диалект Иль-де-Франса разными авторами назывался по-разному – французским, центрально-французским, центральным, диалектом Иль-де-Франса и/или Парижа.

Это связано с тем, что исторически район Иль-де-Франса назывался просто Францией (*Gallia, France*), и по мере расширения границ королевского домена, особенно в течение XII–XIII веков, расширялись и границы Франции как королевства. Необходимость отделить один из исторических и географических районов Франции от Франции как всего королевства обусловила возникновение нового названия – Иль-де-Франс, которое появляется во французских текстах, начиная с XV века.

Учитывая, что территория современного региона Иль-де-Франс включает восемь департаментов (Paris, Essonne, Hauts-de-Seine, Seine-et-Marne, Seine-Saint-Denis, Val-d’Oise, Yvelines, Val-de-Marne), занимает площадь более 12 000 квадратных километров, является самым многолюдным и самым густонаселённым районом Франции, предложение Г. Париса о введении отдельного термина для обозначения регионального говора, на котором говорили жители этого района в эпоху средневековья, представляется логичным и обоснованным.

Уже в XIX веке была сформулирована и получила широкое распространение концепция формирования французского письменно-литературного языка на базе франсийского диалекта, представленная в трудах выдающихся романистов и историков французского языка XIX–XX веков, таких как Г. Парис, Л. Готье, П. Мейер, Ж. Бедье, В. Мейер-Любке, Ф. Брюно, Ш. Брюно, Э. Бурсье, А. Доза, В. фон Вартбург и др.

Критика этой концепции, резко обострившаяся в связи с формированием «новой» истории французского языка [Chaurand 1999] и, соответственно, общей критикой всей традиционной истории языка в целом, фактически завершилась провозглашением отсутствия франсийского диалекта вообще.

Так, Ж. Шоран заявил, что франсийского диалекта, основанного на говоре крестьян (*parler paysan*) или других необразованных слоёв общества (*en usage dans les milieux incultes*), никогда не было. Рано став говором Парижа, он стал служить средством общения образованных людей средневековой Франции (*aux échanges entre gens cultivés du domaine d'oïl*) и впитал в себя особенности, заимствованные из разных диалектов (*emprunts de provenances diverses*). Поэтому то, что лингвистами обычно называется франсийским диалектом, на самом деле является результатом раннего формирования французского литературного языка на основе разных диалектов языка *oïl* [Chaurand, 1969, с. 31–32]. Более того, нет ни одного текста, свидетельствующего о гибридном и мало различимом характере этого диалекта (*variété hybride et peu distincte*), неизвестного до появления в XIII веке французского нормализованного языка (*langue standard*), предшественником которого франсийский диалект должен был быть [Chaurand, 1983, с. 91].

М. Дельбуй полагал, что франсийский не является ни диалектом, ни письменной моделью нормализующего характера (*un usage écrit à l'action unificatrice*), но лишь воспоминанием (*souvenir d'un temps*) о том времени, когда все французские диалекты были похожи (Delbouille 1970).

Г. Людтке презрительно назвал франсийский диалект XI–XII веков «химерой», поскольку первые рукописные тексты появляются в Центре Франции только в XIII веке [Lüdtke, 1972, с. 435], а Ф. Морен назвал «идеологической химерой» всю теорию Г. Париса [Цит. По : Glessgen, 2017, с. 326].

Г. Бергунью заявил, что франсийского диалекта никогда не было, потому что нет никаких письменных свидетельств его существования. Вся история франсийского диалекта является наглядным примером связи политики и науки, так как университетские исследователи с Г. Парисом во главе разделяли якобинские взгляды правящих кругов III республики. Процесс формирования французского языка, описанный в работах XIX–XX веков, является воплощением политической доктрины III республики: Франция – наследница галло-римской цивилизации, Париж – естественная столица Франции, французский язык как победивший франсийский диалект выбран самим народом. [Bergounioux 1989].

Б. Серкильини решил, что в основе французского языка (*langue standard*) лежит не франсийский диалект, а письменное койне, созданное группой сcribes и писателей в X–XI веках из разных диалектов (*variété écrite composite, constituée aux Xe-XIe siècles par une coterie de scribes et d'auteurs littéraires ayant rassemblé des éléments linguistiques de plusieurs dialectes*). Поэтому в Иль-де-Франсе никакого разговорного диалекта не было, а в Париже говорили на диалектах других районов Франции: «*L'Île-de-France ne se distinguait par aucun dialecte. Jusqu'aux portes, et sans doute dans les rues de la modeste bourgade parisienne, on devait parler picard,*

normand ou orléanais» [Cerquiglini, 1993, с. 118]. – 'Иль-де-Франс не отличался никаким диалектом. До ворот и, без сомнения, на улицах скромного парижского городка, говорили на пикардском, нормандском или орлеанэ' (здесь и далее перевод наш – Л. С.).

Наконец, Д. Троттер [Trotter, 2006] объявил не только об отсутствии франсийского диалекта, но и того единого и однородного (*unity, absence of variation*) французского языка, который представлен в «официальной», «научно неточной» и «идеологически мотивированной» (*official; scientifically inaccurate and ideologically motivated*) истории французского языка, которая в течение XIX и большей части XX веков была преимущественно историей только литературного французского языка. Термин же франсийский был изобретён во «французской националистической филологии» (*French nationalist philology*) XIX века для обозначения языка Парижского региона, который никогда не существовал и нигде не задокументирован, но который был призван доказать единство французского языка с самых ранних этапов своей эволюции [Trotter, 2006, с. 364]: «*Just as the military glories of the Middle Ages (Roland, then Joan of Arc) were to act as an inspiration and support of the militaristic campaigns which would lead to la revanche and the repossession of Alsace-Lorraine in 1914, so the national language, symbol of national unity and of national opposition to the Prussian schoolmaster and soldier, needed its antecedents in the glorious past*». – 'Подобно тому, как военная слава средневековья (Роланд, а затем Жанна д'Арк) должна была служить вдохновением и поддержкой милитаристских кампаний, которые должны были привести к реваншу и возвращению Эльзаса-Лотарингии в 1914 году, так и национальный язык, символ национального единства и национальной оппозиции прусскому школьному учителю и солдату, нуждался в своих предшественниках в славном прошлом'.

Приведённые мнения наглядно показывают, что частный вопрос о статусе и особенностях франсийского диалекта вышел далеко за пределы исторической диалектологии как науки, направленной на изучение региональной, или диатопической, вариативности французского языка в диахронии. Чтобы разобраться, как термин и понятие «франсийский» стал своеобразным камнем преткновения в решении многих вопросов формирования и эволюции французского языка, необходимо последовательно разделить, во-первых, критику традиционной истории французского языка, во-вторых, дискуссии по поводу формирования французского языка и роли франсийского диалекта в этом процессе, и наконец, в-третьих, вопросы собственно диатопической вариативности французского – и особенно старофранцузского – языка.

2. Франсийский диалект и критика традиционной истории французского языка

Критика традиционной истории французского языка за отсутствие в ней данных о диатопической вариативности французского языка представляется совершенно необоснованной, поскольку именно традиционная ис-

тория языка с самого начала своего формирования создавалась как история диалектов.

Уже первые работы в самом названии содержали указание на изучение французского языка и его диалектов, как, например, исследование Г. Фалло, вышедшее в 1839 г. (*Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle* – Исследование грамматических форм французского языка и его диалектов в XIII веке); Г. Бюрги, 1853 г. (*Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles* – Грамматика языка *oïl* или грамматика французских диалектов в XII и XIII веках); Э. Литтре, 1886 г. (*Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age* – История французского языка. Исследование происхождения, этимологии, грамматики, диалектов, стихосложения и литературы Средневековья), и др.

Необходимо отметить, что в этот же начальный период становления истории и исторической диалектологии французского языка как самостоятельных научных дисциплин начинается их критика за диалектологический подход к изучению письменных текстов.

Так, уже в 1845 году Ф. Женен резко критиковал интерпретацию разнообразия графических форм, представленных в рукописях, как отражения различия старофранцузских диалектов. Он полагал, что само существование говора как устно-разговорной формы исключает его письменную фиксацию и что диалекты не могут быть литературными, тогда как язык, зафиксированный в рукописях, несомненно представляет литературно обработанную форму. Диалектные различия письменных текстов – это иллюзия Средневековья, так как настоящее исследование говоров возможно только на устном материале, что для старофранцузского языка практически неосуществимо [Génin, 1845, с. 270–272].

Это связано с тем, что, как установили позднее скриптологи, рукопись не является прямым отражением какого-либо диалекта, большинство употреблённых в ней форм являются общими для всех старофранцузских рукописей. Эту особенность заметили уже первые исследователи, в том числе Г. Фалло, который связал её с поздней дифференциацией диалектов [Fallot, 1839, с. 10–11], и Г. Парис, который считал, что старофранцузские рукописи обладали такой общностью, которая позволяла понимать тексты, написанные в одном районе, людям, живущим в другом районе и говорящим на другом диалекте [Paris, 1890, с. 4]. Однако эти мимолетные замечания никак не влияли ни на методику анализа, ни на выводы в целом.

Несмотря на эти и другие идеи лингвистов, которые указывали на письменный характер старофранцузского языка и известную отдалённость языка литературных и деловых текстов от диалектов соответствующего региона, различия рукописных форм и в целом рукописных текстов трактовались как диалектные, таким образом создавалась теория диалектного членения старофранцузского языка. По существу, все фундаментальные работы по истории французского языка содержат более или менее обширные описания французских диалектов и их особенностей.

Так, I том классической истории французского языка Ф. Брюно, описывающий формирование французского языка и его первый, старофранцузский, этап, содержит не только отдельную главу «Диалекты старофранцузского языка» (*Les dialectes de l'ancien français*. с. 296–334), но и указания во всех разделах на особенности графики, звуков и форм в разных районах. Следует отметить, что формирование различных диалектов французского языка, как и различных романских языков в целом, Ф. Брюно связывает с региональной дифференциацией латинского языка в разных римских провинциях [Brunot, 1966, с. 296]: «<...> *en vertu d'une loi de langage qui semble générale, la divergence se marqua de plus en plus sur le territoire de l'ancienne Gaule, comme du reste sur toute la surface du monde où la langue latine subsista, ce fut non pas un parler unique qui sortit d'elle, mais une série de parlars différents, qui, dans chaque région, chaque province, chaque village, finirent par prendre une couleur propre, toujours plus tranchée*». – 'В соответствии с языковым законом, который, как представляется, является общим, расхождение становилось все более и более заметным на территории бывшей Галлии, как и на всей территории, где существовал латинский язык, и это был не один единственный диалект (говор), образовавшийся из него, но ряд различных диалектов (говоров), которые в итоге приобрели в каждом регионе, каждой провинции, каждой деревне, свою собственную, отчётливую характеристику'.

Уточним в этой связи, что мы понимаем диалект и говор как синонимы, обозначающие одно и то же понятие – диатопический вариант языка, используемый в устно-разговорной речи. Следуя традиции, мы оставляем термин 'диалект' для истории французского языка, а 'говор' – для современного французского языка, диатопическая вариативность которого представлена в многочисленных лингвистических Атласах Франции.

Единственное, с чем можно было бы отчасти согласиться, это утверждение о том, что традиционная история французского языка является преимущественно историей письменно-литературного языка, использующей данные «высокого регистра», как уточнили Б. Комбет, К. Маркелло-Низья, С. Прево, Т. Шер, руководители главного научно-исследовательского проекта Института французской лингвистики (L'Institut de Linguistique Française) по созданию «Большой исторической грамматики французского языка»: «*L'ouvrage de Brunot <...> et les autres 'grammaires historiques' <...> se caractérisent par un a-théorisme qui privilégie les données, et au sein des données celles issues de registres 'hauts'*» [Grande grammaire historique du français]. – 'Труд Ф. Брюно <...> и другие исторические грамматики <...> характеризуются а-теоретизмом, который отдаёт предпочтение данным, а среди них – данным «высокого регистра»'.

Но и этому есть сугубо методологическое, а вовсе не идеологическое, объяснение. Дело в том, что уже в XIX веке было установлено, что деловые тексты содержат больше региональных форм, чем литературные. Поэтому хартии стали изучаться для выявления региональных особенностей старо- и среднефранцузского языка, а литературные тексты – для установления общего процесса языковой эволюции.

Однако во многих общих работах по истории французского языка широко использовались и используются данные исторической диалектологии, которые буквально «рассыпаны» по всем разделам этих работ, представляя фонетические, морфологические и лексические особенности французских диалектов. Таковы известные работы зарубежных и отечественных историков французского языка, например, Ф. Брюно, Ш. Брюно, М. Коэна, А. Доза, В. фон Вартбурга, В. Ф. Шишмарева, М. В. Сергиевского, М. А. Бородиной, Н. А. Катагощиной, и др.

По нашему мнению, как раз напротив, традиционную историю французского языка следует критиковать за преувеличенное представление о региональной вариативности французского письменного языка, за желание воссоздать на материале письменных текстов целостную картину региональной дифференциации устной речи эпохи.

Необходимо добавить, что в этих целях использовался неоднородный языковой материал: литературные произведения изучались по сохранившимся рукописям, представляющим многократно переписанный и существенно видоизмененный предполагаемый текст оригинала, а хартии – по рукописям, представляющим, как правило, оригинальный, не переписанный текст, что, естественно, обусловило различие данных, используемых в истории французского языка и исторической диалектологии. К тому же, в истории французского языка языковые факты и явления трактовались в зависимости от хронологии и места создания произведения, а не его письменной фиксации в виде рукописи, что обусловило искажение хронологии и описания всех языковых изменений.

Заметим, что и в традиционной, и в «новой» истории французского языка принято не замечать хронологическую дистанцию в 100–150 и более лет, которая отделяет созданные в XI–XII веках эпические поэмы, Жития Святых, мистерии, фаблю, миракли, первые романы в стихах и прозе, лирические песни, баллады, лэ и др., от времени создания рукописей XIII–XV веков, представляющих их тексты. Творчество всех средневековых авторов XII века, например, романы Кретьена де Труа (Chrétien de Troyes), созданные в 1160–1180 годах, лэ Марии Французской (Marie de France), созданные в 1170–1190 годах, романы Уаса (Wace), созданные в 1157–1175 годах и др., представлено в сохранившихся рукописях XIII–XV веков.

Добавим, что игнорируется и лингвистическая дистанция, которая обусловлена практикой производства рукописей: хорошо известно, что средневековые произведения представлены в сохранившихся рукописях в разных вариантах и версиях, более или менее существенно отличающихся друг от друга как по содержанию, композиции и стилю, так и по лексике, морфологии, синтаксису, не говоря уже о графике.

На изучение этих различий были направлены текстологические исследования, одной из главных целей которых признавалось воссоздание первоначального, оригинального текста произведения со всеми присущими ему особенностями, в том числе и диалектными. Такой «восстановленный», «очищенный» от ошибок и внесённых переписчиками изменений

текст произведения назывался «критическим» и считался таким же полноценным материалом исследования, как реальные рукописные тексты.

Поскольку французские рукописи содержат большое количество форм, создающий так называемый «французский», схожий с современным языком, фон, то диалект подавляющего количества предполагаемых текстов литературных произведений, созданных в IX–XII веках был определён как франсийский, что позволило историкам языка утверждать об особой роли франсийского диалекта как диалектной основы французского языка с самого начала его формирования.

Непосредственное обращение к исследованию реальных рукописных текстов, а не воссозданных критических, выявило ряд неточностей и ошибок, закрепившихся в истории французского языка, в том числе касающихся франсийского диалекта. Отсюда – яростная критика франсийского диалекта как не обладающего специфическими особенностями и нигде реально не зафиксированного, а также продолжающиеся споры по поводу диалектной основы литературного языка.

Однако признание критических текстов как недостоверных, во многом обусловившее критику традиционной истории языка и послужившее основанием для создания «новой», не повлекло за собой отказа от использования их временных и региональных характеристик при установлении и описании хронологии языковых изменений, в том числе по разным диалектам. Заметим, что в скриптологии, базирующейся исключительно на материале рукописных текстов, такой путаницы нет.

По нашему глубокому убеждению, все текстологические исследования французских рукописей, в том числе последних десятилетий, наглядно доказывают, что восстановленные филологами архетипические тексты являются в большей степени гипотетическим, нежели реальным языковым свидетельством изучаемого периода. Мы считаем, что только рукописные тексты, выполненные говорящими (*homo loquens*) и пишущими (*homo scribens*) субъектами изучаемого периода, являются единственным и объективно доступным материалом исследования, как сказал великий французский текстолог и филолог Ж. Бедье: «*seul le manuscrit représente quelque chose qui fût de la vie*» [Bédier, 1927, с. 251] – 'только рукопись представляет что-то живое'.

Учитывая существенную хронологическую и лингвистическую дистанцию между произведением и его письменной фиксацией в виде рукописи, мы последовательно различаем текст произведения (предполагаемый оригинал, содержание литературного или делового произведения, созданного одним или несколькими, известными или неизвестными авторами), и текст рукописи (реально существующий, конкретный рукописный текст литературного или делового произведения, зафиксированный в сохранившейся рукописи, выполненной одним или несколькими переписчиками) (подробнее см. напр., [Скрелина, Становая, 2015, с. 27–32]).

Многие проблемы, о которых уже шла речь и которые будут рассмотрены далее, вызваны, по нашему мнению, как непоследовательным разграничением языка и письменности, так и отождествлением мифических текстов произведений с реальными текстами рукописей.

Потребовалось резко противопоставить устную и письменную формы речи и столь же резко заявить об их нетождественности, чтобы по-новому взглянуть на материал и методы исследования старофранцузского языка. Эта заслуга принадлежит Л. Ремаклю, который в 1948 году ввел новое понятие скрипты как региональной письменной традиции [Remacle, 1948]. Введение нового понятия, а также новые идеи и подходы к решению дискуссионных вопросов истории и исторической диалектологии французского языка стали импульсом к переосмыслению многих исходных положений диахронических исследований.

3. Франсийский диалект и дискуссии о процессе формировании французского языка

Дискуссии по поводу формирования французского языка и роли франсийского диалекта в этом процессе начались уже в рамках традиционной истории французского языка и продолжились в «новой».

Суть споров можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Процесс формирования французского языка является процессом стандартизации? Если да, то какой диалект, когда и почему стал основой формирования французского языка?

2. Процесс формирования французского письменного языка является процессом стандартизации? Если да, то какая скрипта, когда и почему стала основой формирования французской письменности и французского письменного языка?

3. Процесс формирования французского языка является процессом койнетизации? Если да, то какие диалекты, когда, почему и каким образом легли в основу французского койне?

4. Процесс формирования письменного и разговорного французского языка является процессом койнетизации? Если да, то какое койне – устное или письменное – сформировано раньше? Какое койне – устное или письменное – стало основой французского языка?

Решение этих вопросов осложнено не столько идеологией и политическими воззрениями ученых, сколько отсутствием достаточного и репрезентативного языкового материала.

Ф. Брюно, размышляя над особенностями франсийского и других старофранцузских диалектов, их взаимовлиянием друг на друга, ролью королевской власти в выделении Парижа и франсийского диалекта, заметил [Brunot, 1966, p. 327]: «*L'absence de manuscrits franciens rend très difficile l'examen de cette question, qui ne peut se résoudre que par des raisonnements*». – 'Отсутствие франсийских рукописей затрудняет рассмотрение этого вопроса, который может быть решён только с помощью логических умозаключений.

Действительно, рукописей, выполненных в Иль-де-Франсе до 1200 года, нет. Первые рукописи на французском языке появляются в центральных скрипториях, в том числе франсийских, только в XIII веке. В этом все лингвисты, отвергающие существование франсийского диалекта из-за отсутствия франсийских рукописей, правы.

Между тем, среди рукописей, выполненных до XIII века, нет ни нормандских, ни валлонских, ни бургундских, ни многих других, что тем не менее никому не мешало и не мешает выделять нормандский, валлонский, бургундский и другие диалекты. Напротив, есть англо-нормандские рукописи XII века, но выделение англо-нормандского диалекта вызывало бурные дискуссии: например, Г. Фалло, Г. Парис, Н. А. Катагощина, Ж. Вюест считали, что нельзя выделять англо-нормандский диалект, так как нельзя называть диалектом речь небольшой социальной группы людей, или письменно-литературный язык части Англии, какими-бы особенностями он не обладал.

Если считать, что франсийского диалекта не было, потому что нет франсийских рукописей до XIII века, то тогда следует заключить, что и других старофранцузских диалектов тоже не было, поскольку количество французских рукописей, выполненных до XIII века, является крайне ограниченным.

Известно, что французский язык IX–XIII веков представлен в рукописях неравномерно как хронологически, так и географически.

Ранние французские рукописи IX–XI веков малочисленны – их всего четыре, при этом их локализация вызывает нескончаемые споры.

Первой французской рукописью является «Кантилена о Св. Евлалии» (*la Séquence de Sainte Eulalie*, Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 150; ancien 14; Index Maior 47; F. 112), которая выполнена в конце IX века, или около 900 г., предположительно в монастыре Сент-Аман (Saint-Amand), называемым также Эльнон (Elnone), вблизи Валансьена, на границе пикардских и валлонских скрипт. Учитывая место выполнения рукописи, можно было бы полагать, что она представляет пикардский или валлонский диалект. Г. Хилти считал валлонскими формы *lei*, *raneiet*, *coist*, *cose* [Hilty 1968], однако формы *voldrent* и *sostendreiet*, содержащие вставку согласного –d-, несовместимы с локализацией «Кантилены» ни как пикардской, ни как валлонской.

К X веку относят две рукописи, одна из которых (Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 521) выполнена в середине X века предположительно в том же монастыре Сент-Аман и содержит плохо сохранившийся фрагмент в несколько (около 30) расшифрованных французских слов из проповеди о Св. Ионе (*le Sermon sur Jonas*). Её локализация столь же неясна, что и «Кантилены».

Другая рукопись (ms Clermont-Ferrand 240, ancien 189) датируется концом X-началом XI веков, или около 1000 г., и содержит два текста: «Житие Св. Леодегария» (*la Vie de Saint Léger*) и «Страсти Христовы» (*la Passion du Christ*). Язык текста «Житие Св. Леодегария» определялся как северо-восточный французский с примесью провансальского, как бургундский, как валлонский. Текст «Страсти Христовы» считался в большей степени памятником старопровансальского, или староокситанского языка, учитывая количество старопровансальских, или староокситанских форм, перемешанных со старофранцузскими.

Концом X – началом XI веков, или около 1000 г., датируется единственная сохранившаяся копия (P., B.N., lat. 9768) текста «Страсбургских Присяг» (*les Serments de Strasbourg*), выполненная предположительно в аббатстве Сен-Медар-де-Суассон (*Saint-Médard-de-Soissons*), или для аббатства Сен-Медар-де-Суассон, или для аббатства Сен-Рикье (*Saint-Riquier*), аббатом которого с 789–790 г. был Ангильберт, отец Нитхарда, а в 845 г. стал сам Нитхард. В языке текста «Страсбургских Присяг» разные исследователи видели сублимированную, ориентированную на латынь речь северо-востока Галлии, лотарингский диалект Меца, пикардский диалект, пуатевинский диалект, диалект Иль-де-Франса, романский язык Лионской области, т. е. один из диалектов франко-провансальской зоны, северо-аквитанский, т. е. один из диалектов провансальского (окситанского) языка, общефранцузский, отмеченный сильным влиянием латинской письменности. Некоторые исследователи считали, что «Страсбургские Присяги» являются примером не французского языка, но меровингской латыни, или докаролингской письменной традиции франко-провансальской зоны.

Столь небольшое количество первых французских текстов связано прежде всего с тем, что во Франции на протяжении многих веков языком письменности была латынь. С самого начала романизации Галлии латинский язык использовался для литературной, научной и административной деятельности.

Появление первых письменных памятников на французском языке свидетельствует не о появлении собственно французского языка и его диалектов, а о его растущем престиже. Однако процесс расширения сфер употребления французского языка шёл медленно: количество латинских текстов значительно превышает количество французских.

Большинство сохранившихся рукописей XII века являются англо-нормандскими, т. е. выполненными на территории Англии: из 59 рукописей, датированных Б. Уоледжом и И. Шортом однозначно XII веком, 40 являются англо-нормандскими [Wolledge, Short, 1981]. Правда, не все из них могут быть использованы для всестороннего лингвистического исследования, поскольку есть рукописи, содержащие только несколько строк, слов или отрывков.

Создание англо-нормандских рукописей и активная деятельность англо-нормандских авторов XII века объясняется, например, тем, что в Англии французский язык был языком короля и королевской власти, важным инструментом в борьбе против англо-саксонской знати. [Lusignan, 2004].

Из остальных 19, выполненных в конце XII века на территории собственно Франции, тоже мало полноценных текстов, т. е. не фрагментарных отрывков. Это: «Диалог жалуемой души и утешающего разума» (*Dialogus anime conquerentis et rationis consolantis*, ms. Epinal 58, an. 181), Лотарингия; «Хроника Нормандских герцогов» (*Chronique des ducs de Normandie*, ms. Tours 903), аббатство Мармутье около Тура; «Проповедь Св. Бернара» (*Li sermon saint Bernart*, две рукописи: 1. ms. B.N., F.fr. 24768 содержит половину текста, находилась в цистерианском монастыре Фей-

ан */Feuillants/* в Париже; место выполнения не установлено, согласно Ф. Барди – Лотарингия, Мец [Burdu, 2015], согласно А. Анри – Валлония [Henry, 1996]; 2. Nantes, Musée Dobrée, ms. 0005, место выполнения не установлено).

Основной материал исследования старофранцузского языка составляют рукописи XIII века. XIII век по праву считается периодом блестящего расцвета феодальной Франции. Король стал признанным сувереном большинства городов. Французская литература занимает ведущее место в Западной Европе.

В XIII веке появляются первые тексты делового характера – хартии. Самым ранним документом на французском языке признаётся хартия 1204 г., составленная в пикардском городе Дуэ, на севере Франции. Серии документов на французском языке появляются только в 1235–1245 гг. на севере и востоке Франции (во французской Фландрии, Пикардии, Валлонии, Лотарингии, восточной Шампани, Бургундии, Франш-Конте, Юра и Нешато). В Парижском районе хартии засвидетельствованы, начиная с 1220 г. Только к концу XIII века, приблизительно с 1270–1280 гг., количество документов на французском языке становится достаточным для того, чтобы можно было изучать старофранцузский язык по хартиям.

Однако и для XIII века тоже есть существенный недостаток: одни районы средневековой Франции, например, Пикардия, Валлония, Бургундия и др., представлены достаточным для полноценного исследования количеством рукописей, тогда как другие, например, Франш-Конте, Анжу, Пуату и др. – недостаточным.

В этой связи важно отметить, что формирование и эволюция французского языка не тождественны ни формированию и эволюции французского письменно-литературного языка, ни созданию и развитию французской письменности.

Известно, что формирование и эволюция языка как средства общения в целом не зависят от воли и творческой инициативы отдельных личностей или языкового сообщества, так как происходящие в нем изменения не связаны со сменой социально-экономических формаций, с политическими или идеологическими преобразованиями в развитии общества. Их основной движущей силой являются внутренние законы развития языка, по которым изменяются фонологические и морфологические системы языка, а в лексике действуют и другие закономерности [Скрелина, 1973].

Появление и развитие письменно-литературного языка связано с социально-экономической и политической историей общества и являются результатом сознательной творческой деятельности людей, коллективной или индивидуальной (см., напр., [Потебня, 1905, с. 116–118 ; Шахматов, 1925, с. 17–19 ; Виноградов, 1978, с. 288–290; и др.]).

Письменность же испытывает влияние гораздо большего количества факторов самого различного характера. Учитывая, что исследование может проводиться только на материале конкретных, реально существующих рукописных текстов, очень важным оказывается история появления и развития скрипт как региональных письменных традиций, поскольку создание рукописей в том или ином районе страны обусловлено особенностями раз-

вития скрипт конкретного района, а наличие существующих, сохранившихся до нашего времени рукописей – сохранностью рукописных фондов разных районов.

Известно, что ещё до появления первых рукописей на французском языке письменная традиция во Франции уже существовала, производство рукописей, их хранение, а также обучение письму было сконцентрировано в монастырских скрипториях. Впервые появившись во Франции в IV–V веках, монастыри постепенно сложились в важнейшие просветительские центры, хранилища духовных традиций и знаний. Усиление роли городов в политической и экономической жизни страны и распространение грамотности среди горожан повлекло за собой рост спроса на французские книги, что обусловило перемещение производства рукописей в города. В XIII веке появились первые светские мастерские по изготовлению рукописей, в которых переписчики и иллюстраторы выполняли заказы богатых клиентов или продавали рукописи всем желающим.

Таким образом, в XIII веке существовали две параллельные структуры, занятые производством рукописей: одна – в рамках церкви, другая – в рамках светских учреждений, что безусловно оказало влияние на формирование письменности. Клирики, привычные к работе с латинскими текстами и воспитанные в духе многовековой латинской традиции, тяготели к сохранению старых форм и устоявшихся правил. Лаики, работающие преимущественно с французскими текстами, испытывали большое влияние разговорного узуса.

Хотя первые рукописи на французском языке появляются в центре Франции только в XIII веке, история центрально-французских, в том числе франсийских, скрипториев, начинается в IV–VI веках, когда создаются крупнейшие и известнейшие духовные центры Франции такие, как Мармутье, Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Медар-де-Суассон, Флери, и др. Здесь необходимо заметить, что границы средневековой «Франции» как «Галлии», «Франции» (*Gallia, France*) не совпадают полностью с границами современного региона Иль-де-Франс. О границах речь пойдёт ниже.

Деятельность королевской канцелярии полностью регламентировалась волей французских королей. Во Франции, в отличие от Англии, языком короля и королевской власти был латинский язык. Французский начинает активно соперничать с латинским только в XIII веке, но лишь с 1360 г. количество документов королевской канцелярии на французском языке становится больше, чем на латинском. Окончательно же латинский язык исчезает из королевских документов только после Ордонанса Виллер-Коттре 1539 г. [Lusignan, 2004].

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что франсийская письменная традиция обладала как должным уровнем развития, так и высоким авторитетом.

Что касается сохранности рукописных фондов, то здесь следует с сожалением признать, что «рукописи горят». Известно, например, что церковь усиленно боролась против распространения религиозной литературы на французском языке. Так, в 1199 г. папа Иннокентий III осудил жи-

телей Меца за перевод Евангелия на французский язык и приказал сжечь все найденные переводы [Романова, 1975, с. 52]. Важность и ценность рукописных текстов в средние века воспринималась иначе, поэтому пергамент старых рукописей использовался для записи других, более важных текстов, что объясняет появление палимпсестов, а также для переплета других рукописей (такова история рукописи проповеди о Св. Ионе). В период французской революции, как известно, существенно пострадали многие монастырские библиотеки, различного рода архивы и иные хранилища рукописей и редких книг.

Отождествление текстов произведений и текстов рукописей создало неверное, по нашему мнению, представление о связи между наличием рукописей и уровнем развития культуры и литературы в этом районе. Так, соединив отсутствие рукописей с отсутствием «литературного престижа», Ф. Барди полагает, что упоминания о высоком престиже «французского» говора «Франции» или Парижа (*le «françois», l'idiome de «France» ou <...> celui de Paris*), как в известном фрагменте Конона де Бетюна, никак не могут относиться к говору Иль-де-Франса, поскольку отсутствуют рукописи XII века, выполненные в этом районе [Burdy, 2015, с. 23–24].

Заметим, что речь идёт о многочисленных высказываниях французских авторов XII века, гордящихся своим французским языком, как Гарнье де Пон-Сен-Максанс и Мария Французская или, напротив, сожалеющих о своем плохом французском языке, как Конон де Бетюн, Эмон де Варенн, Жан де Мен, многие англо-нормандские авторы. Все высказывания однозначно указывают на «хороший» французский язык Франции, Парижа, Сен-Дени, т. е. франсийский (подробнее см.: [Скрелина, Становая, 2015, с. 88–89]).

С другой стороны, многие исследователи, в том числе современные, не различая текст произведения и текст рукописи, используют предполагаемые хронологию и место создания произведений, а не рукописей, для обоснования ведущей роли того или иного диалекта в литературном французском языке XII века и даже более раннего времени.

Мы считаем такой подход теоретически и методологически ошибочным: можно описывать историю французской литературы по времени создания литературных произведений, творческой жизни первых французских поэтов и писателей, но устанавливать историю французской письменности и особенности эволюции французского языка можно только на материале реально существующих рукописных текстов.

Все проведённые исследования, в том числе и наши, свидетельствуют о существенных различиях языкового узуса рукописных вариантов одного текста. Вариативность лингвистического узуса «по горизонтали», т. е. одного и того же литературного текста по рукописным вариантам, объясняется тем, что переписчики в процессе выполнения рукописи более или менее существенно изменяли копируемый текст. В результате этих изменений текст выполняемой рукописи все более и более удалялся как от своего протографа (копируемой рукописи), так и от оригинала (архетипа). Однако, как подчёркивают многие исследователи (см. напр., [Rychner, 1960]), рукописный текст не представляет собой искажённый малограмотным или не-

внимательным переписчиком текст произведения: различия между вариантами несут, в основном, сознательный характер и отражают как личность переписчика, так и его внутренние, в том числе и нормативные, установки.

Поэтому тексты различных литературных или иных произведений, созданных разными авторами в разное время в разных районах Франции и за её пределами, которые содержатся в одной и той же рукописи, выполненной, как правило, в одно и то же время в одном и том же районе, обычно представляют единый языковой узус, характерный для всей рукописи в целом. Это сходство языкового узуса «по вертикали», т. е. разных текстов одной рукописи, свидетельствует о главенствующей роли переписчиков, которые выполняли рукописи согласно правилам, или нормам своих скрипт [Становая, 2018].

Так, например, исследования коллекционной шампанской рукописи (Р., В.Н., F. fr. 794), выполненной в первой трети – середине XIII века известным переписчиком Гийо (*Guiot de Provins*) и содержащей все известные романы Кретьена де Труа, «Роман о Трое» (*Le roman de Troie*) Бенуа де Сен-Мора (*Benoît de Sainte-Maure*), «Роман о Бруте» (*Le roman de Brut*) Васа (*Wace*) и др., показали, что Гийо столь существенно исправил все формы на шампанский манер, что этот процесс получил название «шампанизации» (*champanisation*) (см., напр., [Woledge, 1970]). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в традиционной и «новой» истории языка считается, что Кретьен де Труа, дословно «Христианин из Труа», писал свои романы на шампанском диалекте, потому что был родом из Шампани, хотя ни о времени и месте его рождения, ни о времени и месте его смерти нет никаких достоверных свидетельств.

Между тем, в результате подобного смешения произведений и рукописей возникло представление о существовании многих французских диалектов в XI–XII веках и их особой роли в формировании французского литературного языка.

Так, например, некоторые лингвисты, например, Г. Фалло, Г. Бюрги, Н. А. Катагощина, считали, что Нормандия, в отличие от Иль-де-Франса, оставила богатое литературное наследие, позволяющее видеть в нормандском диалекте базу формирования французского письменно-литературного языка. Н. А. Катагощина, объединив англо-нормандские и нормандские рукописи, утверждала, что большинство первых французских рукописей было написано или переписано в Нормандии или нормандских владениях королевства англо-норманно-анжуйского, что уже в XI веке каноник Руанской церкви переводил с латинского языка на французский Жития Святых и что, начиная с XI века, в монастырских и церковных скрипториях Нормандии создавалось большое количество рукописей [Катагощина и др., 1976, с. 45–46, 58].

Однако, различные исследования, в том числе наши, показали, что нельзя не только объединять англо-нормандские и нормандские рукописи в единое целое, но и рассматривать англо-нормандские скрипты как разновидность нормандских: это различные письменные традиции, имеющие разные нормативные установки [Stanovaia, 2007].

Что же касается нормандских рукописей, то до нашего времени дошло весьма небольшое их количество, причем все самые ранние нормандские рукописи выполнены в XIII веке. Небольшое количество нормандских рукописей обычно связывается с отсутствием королевского двора в Нормандии.

Так, Р. Лепелли отмечал, что в Нормандии не было своего собственного правителя, начиная с XII века, так как сначала она управлялась нормандским герцогом, бывшим одновременно королем Англии, а затем, после завоевания и присоединения к королевскому домену – французскими королями. Отсутствие собственного двора, а соответственно и культурного центра, а также сильное влияние Парижа, начиная с самых ранних времён, обусловили судьбу нормандского диалекта как сугубо разговорного, поскольку в качестве письменного языка даже нормандские авторы использовали франсийский. Изучив произведения нормандских авторов XII–XV веков, Р. Лепелли пришёл к выводу о том, что до XVII века вообще не было литературы на нормандском диалекте, но лишь некоторые документы делового характера [Lepelley, 1972].

К этому же мнению пришла и Г. Вакер, которая отметила франсийский или французский характер произведений так называемого «нормандского» этапа в истории французского письменно-литературного языка и отделила «нормандский» письменный язык (*normannisch*) от «нормандского» (*normandisch*) разговорного диалекта. При этом Г. Вакер указала, что появившийся в начале XII века письменный язык северной Франции только называется «нормандским», на самом деле его развитие совпадает с развитием французского языка, исходящего из Иль-де-Франса, и не совпадает с развитием «нормандского», исходящего из собственно Нормандии. Разницу между «нормандским» и «нормандским» Г. Вакер видела, например, в таких формах, как *chambre, lit* (нормандский) и *cambre, lie* (нормандский) [Wacker, 1916].

Таким образом, каким бы блестящим не казался расцвет Нормандского герцогства, нормандской литературы и письменности в XI–XII веках, факты таковы – самые ранние нормандские рукописи датируются XIII веком. Следовательно, нормандский диалект до XIII века является такой же «химерой», что франсийский и на том же самом основании – отсутствии рукописей до XIII века. В противном случае нужно предложить и обосновать другие причины «мифичности» франсийского диалекта.

Итак, до XIII века есть только англо-нормандские, одна туренская, одна или возможно, две лотарингские рукописи XII века; локализация всех четырёх первых рукописей IX–XI веков крайне спорна. Таким образом, ведущая роль какого-либо диалекта в литературном французском языке XII века, не говоря уже о более раннем времени, не может быть достоверно обоснована.

В этой связи становится совершенно очевидным, что постоянно повторяемый аргумент: «нет франсийских рукописей до 1200 г., нет франсийского диалекта, нет его особой роли», свидетельствует лишь о своего рода новых мифологемах, сложившихся не в результате тщательного анализа имеющегося корпуса французских рукописей и поиска решения столь спорного и важного вопроса истории французского языка, но в желании доказать как

ошибочность традиционной концепции формирования французского языка, так и неверно описанную роль франсийского диалекта в этом процессе.

Тем не менее, несомненно, что известной общности старофранцузских рукописей способствовало стремление сcribes к той модели языка, которую они признавали более правильной, более престижной в социальном плане. В романистике определение региональной принадлежности этой модели спорно.

Многие историки языка связывали единство старофранцузских рукописей с общим процессом формирования письменно-литературного языка, основу которого составил реальный разговорный диалект Парижа или Ильде-Франса. При попытке объяснить этот факт возникали многочисленные трудности, поскольку в этом случае следовало признать влияние Парижа уже с IX века, т. е. с появления первых французских рукописей.

Однако Париж долгое время был лишь одним из политических и культурных центров Франции, а усиление королевской власти и объединение земель вокруг Парижа, завершившееся формированием единого королевства, позволяет говорить о распространении франсийского диалекта по территории Франции вместе с королевской властью только с XII века или даже с середины XIII века.

Не удастся объяснить французский характер первых рукописей политическим или экономическим значением Парижа, поскольку раннее образование парижского койне на основе разных диалектов объективно ничем не подтверждается. Предположение о более позднем формировании литературной нормы «между Сеной и Луарой» во второй половине XII века на базе нормандского, шампанского, бургундского и франсийского диалектов [Шишмарев, 1955, с. 198], не объясняет французский характер ни первых рукописей IX–XI веков, ни англо-нормандских рукописей XII века.

Предположение об общности французских диалектов IX–X веков, зафиксированной в зарождающейся французской литературе и ошибочно интерпретируемой как франсийский диалект, не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто, поскольку отсутствует языковой материал для детального исследования. Прямые же и косвенные свидетельства более позднего периода свидетельствуют о существенной региональной вариативности французского языка.

Можно было бы согласиться с К. А. Робсоном и признать либо, что «общефранцузский» письменный язык является фонологическим и графическим обманом, либо, что этот общий язык реально существовал, но причины единства французского языка неясны [Robson, 1956]. Последовательно разделяя диалект и скрипту, текст произведения и текст рукописи, мы предложили свою концепцию формирования французского письменного языка [Скрелина, Становая, 2015 ; Становая, 1996 ; Stanovaia, 2003].

4. Франсийский диалект и франсийская скрипта

Обратимся теперь к вопросам диатопической вариативности старофранцузского языка и характеристикам франсийского диалекта и скрипты.

Согласно приведённым выше мнениям, раскрывающим суть критики термина ‘франсийский’, можно заключить, что не было ни франсийского диалекта, служившего в Иль-де-Франсе средством общения «необразованных слоёв общества», ни «языка Парижского региона», и что жители Парижа использовали в общении диалекты других районов Франции.

«Образованные люди» Иль-де-Франса и всей средневековой Франции использовали как средство общения: а) рано сформированный на основе разных диалектов французский литературный язык, б) законсервированный письменностью архаичный бездиалектный французский язык, в) искусственное письменное койне, созданное из разных диалектов некой группой скриббов и писателей в X–XI веках.

Таким образом получается, что, в отличие от других районов Франции – Пикардии, Валлонии, Нормандии, Лотарингии и т. д., где говорили по-пикардски, по-валлонски, по-нормандски, по-лотарингски и т. д., – в Иль-де-Франсе «необразованные» жители просто молчали, парижские буржуа говорили на диалектах других районов Франции, а «образованные» жители – на французском литературном языке, французском нормализованном языке (*langue standard*), парижском или французском письменном / устном койне, существующим уже с IX века. По нашему мнению, всё это абсолютно неверно.

Последовательно разделяя понятия диалекта как регионального варианта языка и скрипты как регионального варианта письменности, мы убеждены, что в каждом регионе был свой собственный диалект как средство общения. Поэтому мы принимаем и используем термин ‘франсийский’, который считаем необходимым для изучения и описания лингвистической ситуации в старофранцузский период.

Мы считаем методологически неверной произошедшую замену термина ‘франсийский’, ставшего в результате яростной критики своего рода табу, на термин ‘парижский’ (*parisien*).

Как было указано выше, Париж и его пригороды являются только частью региона Иль-де-Франс, соответственно, термин ‘парижский’ обозначает значительно более узкое понятие, чем ‘франсийский’. Распространение названия ‘парижский’ на территорию Парижа, близлежащих районов и части Шампани, как это представлено, например, в Атласах А. Дееса [Dees, 1980, 1987], лишь вносит путаницу в решение вопросов, связанных с изучением всех старофранцузских диалектов и скрипт, а не только Иль-де-Франса.

Дело в том, что в Атласах А. Дееса районы Орлеана и Берри представлены отдельно; Санлис вместе с частью графства Вермандуа входит в зону «Уаза»; Суассон вместе с Ланом и другой частью Вермандуа включён в зону «Эна». Оставшаяся часть Вермандуа вместе с графством Артуа вошли в «Сомму», а оставшаяся часть Шампани – в «Арденны».

Предложенное деление не отвечает ни данным лингвистических Атласов современных французских говоров, ни границам феодальных образований IX–XIV веков (см., напр., [История Франции, 1972, с. 11, 72–73, 96–97], ни границам диоцезов.

Ф. Брюно, изучив лингвистический Атлас Франции Э. Эдмона и Ж. Жильерона, указал такие границы франсийской диалектной зоны [Brunot, 1966, с. 326]: северная граница, по результатам палатализации в пикардском [ka > ka], во франсийском [ka > che], географически идёт от Сены в районе Манта через Клермон и Санлис к Лану, разделяя франсийские и пикардские говоры; восточная граница, по результатам перехода [o > eu], идёт от реки Марны к Жуару, спускаясь вдоль старой границы с Шампанью до Ножан-сюр-Сен, разделяя франсийские и шампанские говоры; западная граница проходит совсем рядом с Парижем, потому что в Эвре уже идет пикардский результат [ka], а в Шартре – [ɛ+i ≠ i].

А. Лодж, по данным этого же Атласа, выбрал в качестве типологических черт франсийских говоров такие черты [Lodge, 2002]: граница с пикардской зоной основана на том же известном отсутствии палатализации [ka > ka] в пикардском; западная граница уточнена по различному развитию дифтонга [o > ow > u] на западе и [o > ew > oe] на востоке, начиная с XVI века произношение с [oe] распространяется от Парижа на запад Франции; восточная граница основана на включении эпентетических согласных [n_r] в группы [-nr-], [-ml-], [-lr-] на западе и в центре и их отсутствии на севере и востоке; южная граница между французским и окситанским языками основана на закрытии ударного [a] в [e], отличающим северо-французские диалекты от южно-французских.

Общность франсийских говоров, орлеанэ, туренского и першеронского подтверждена также Атласом современных французских говоров Иль-де-Франса и Орлеана, где выделены две диалектные зоны: одна объединяет Иль-де-Франс, Орлеан, Перш, Турень, а вторая под названием «Центр» соответствует Берри [Simoni-Aurembou, 1973–1978].

Если границы диалектных зон действительно не могут рассматриваться как жестко фиксированные, или, по выражению А. Лоджа [Lodge, 2002], как «твёрдые» (*des frontières dialectales fermes*) и тождественные предшествующим (*pas co-extensif avec celui des siècles passés*), то зоны распространения письменных традиций тем и отличаются от диалектных, что непосредственно связаны с административным, политическим и церковным делением средневековой Франции. В самом деле, канцелярии и скриптории, входящие, например, в диоцез Суассона, должны были обладать относительно едиными правилами делопроизводства, диктующими формы документов и их языковую общность. Это предположение подтверждается данными скриптологических исследований.

Наше исследование старофранцузской морфологии показало сходство скрипт Турени, Иль-де-Франса, Суассона и Орлеана, которые в XIII веке входили в состав королевского домена [Становая, 1994], а исследование М. С. Воробей фонетико-графических особенностей деловых документов выявило общность скрипт Парижа, Санлиса, Суассона, Орлеана [Воробей, 2015 ; Vorobei, 2018].

Л. Каролус-Баррэ, обосновывая локализацию изучаемых им хартий из архивов Уазы, считал важным известное разделение студентов Парижского университета по лингвистическому критерию на так называемые

«нации» (*Nation*) и указал, что студенты из диоцезов Суассона и Санлиса включались во французскую нацию (*Nation de France*), а не в пикардскую (*Nation de Picardie*), куда включали студентов из диоцезов Бове, Нуайона и Лана [Carolus-Barré, 1964, с. СХІІІ].

Совершенно очевидно, что использование термина ‘парижский’ является методологически и практически некорректным. Кроме этого, термин ‘парижский’ самим своим названием тесно связан с Парижем, а значит, и с его специфической языковой ситуацией большого города, «постоянного» (*permanent*), «естественного» (*naturel*) центра Франции, «места обязательной встречи» (*lieu de rencontre quasi obligé*) [Gossen, 1957 ; Picoche, Marchello-Nizia, 1996 ; Lodge, 1997, 2002, 2010 и др.], что никак не соответствует другим местам Иль-де-Франса.

Поэтому мы считаем, что так же, как в Пикардии говорили по-пикардски, в Валлонии – по-валлонски, в Нормандии – по-нормандски, в Лотарингии – по-лотарингски, в Иль-де-Франсе говорили по-франсийски. Несомненно, говор Парижа должен быть схож с франсийским, однако возможно, что в связи со своей специфической ситуацией он испытывал влияние и других диалектов.

Поэтому, как указывал, например, М. Коэн, есть различия между современным нормативным французским языком и говорами Иль-де-Франса. М. Коэн объяснил это тем, что «парижский» говор был «узкой территориальной основой» (*base territoriale étroite*) «франсийского» как «языка Иль-де-Франса» [Cohen, 1973, с. 84–85]. На изменение говора Парижа в процессе койнетизации указывал А. Лодж, посвятивший ряд работ вопросам формирования французского языка и роли Парижа в этом процессе (см., напр., [Lodge, 1997, 2002, 2010]). О некоторых отличиях говоров Иль-де-Франса и других районов Центра от нормы современного французского языка писала М.-Р. Симони-Орамбу, создательница отдельного Атласа говоров этого района Франции [Simoni-Augembou, 1973].

Приведём также в качестве доказательства существования франсийского диалекта, в латинской терминологии просто французского, широко известное высказывание английского ученого XII века Роджера Бэкона, много лет прожившего во Франции, называемой в его трудах Галлией (*Gallia*), и заметившего, что французский язык (*lingua gallicana*) различается говорами (*idiomate*) французов (*Gallicos*), пикардийцев (*Picardos*), нормандцев (*Normannos*), бургундцев (*Burgundos*) и других (*caeteros*) [Бэкон]: «*Sed impossibile est quod proprietates unius linguae serventur in alia. Nam et idiomata eiusdem linguae variantur apud diversos, sicut patet de lingua Gallicana, quae apud Gallicos et Picardos et Normannos et Burgundos multiplici variatur idiomate. Et quod proprie dicitur in idiomate Picardorum horrescit apud Burgundos, immo apud Gallicos viciniore: quanto igitur magis accidet hoc apud linguas diversas?*» – ‘Однако невозможно, чтобы свойства одного языка сохранялись в другом. Ведь наречия даже одного и того же языка различны у различных, как это ясно во французском языке, многие наречия которого различаются у французов, пикардийцев, нормандцев и бургундцев. И то, как говорится в пикардском наречии, шокирует у бур-

гундцев и даже у более близких французов: насколько больше тогда различий в разных языках?'

Мы полностью согласны с мнением А. Лоджа [2002], считавшего странным (*gênante*) предположение об отсутствии собственного диалекта в Иль-де-Франсе, который был одним из самых густонаселенных районов Франции уже в XII веке: «<...> *prétendre qu'une partie d'une communauté linguistique puisse être dépourvue de dialecte, c'est donner au mot 'dialecte' un sens que peu de dialectologues pourraient de nos jours reconnaître*. - <...> утверждать, что часть языкового сообщества может быть лишена диалекта, означает придать слову «диалект» значение, с которым сегодня смогли бы согласиться лишь очень немногие диалектологи.

Однако мы не согласны с А. Лоджем, полагавшем, что неважно, должен ли этот диалект называться франсийским (*Que l'on appelle ou non ce dialecte le francien a très peu d'importance*).

Мы считаем, напротив, по причинам, приведенным выше, что это важно и что нельзя смешивать термины и понятия 'франсийский' и 'парижский', как это постоянно происходило и происходит в традиционной и «новой» истории французского языка, особенно когда речь идет о процессе формирования французского языка.

В этом отношении чрезвычайно показательной является терминологическая путаница, представленная в одном из последних учебников по истории французского языка, в котором термины «французский (*l'idiome de France*)», «центральный» (*l'idiome du centre*), «центрально-французский» (*le français du centre*), «парижский» (*celui de Paris*), «парижский французский» (*le français de Paris*), «франсийский» (*le francien*) как говор (*l'idiome parlé en Île-de-France*) и одновременно как скрипта (*la scripta de l'Île-de-France*), «королевская скрипта» (*scripta royale*) обозначают для автора одно и то же [Burdy, 2015].

Иначе говоря, любое слово, лишь бы не запретный термин 'франсийский'! Такая же путаница касается обозначения форм, широко представленных во всех французских рукописных текстах IX–XIII веков и обуславливающих ту общность старофранцузского языка, которую отмечали все исследователи. Эти формы называются: «франсийские» (мы употребляем именно это обозначение), «французские» (*françaises*), «общефранцузские» (*françaises communes*), «общие» (*communes*), «нейтральные» (*neutres*), «нейтрализованные» (*neutralisées*), «литературные» (*littéraires*), «письменные» (*écrites*), «междиалектные» (*interdialectales*), «межрегиональные» (*interrégionales*), «наддиалектные» (*supradialectales*), «надрегиональные» (*suprarégionales*) и др.

Заметим, что обычно все эти термины употребляются без необходимого уточнения, притом что речь идет об одних и тех же формах. Между тем, определение региональной принадлежности именно этих старофранцузских форм обуславливает установление диалектной основы французского языка, вызывающее столько споров.

Так, определение частотных форм как «французские», «общефранцузские», «общие», «междиалектные», «межрегиональные» позволяет лин-

гвистам, во-первых, не выделять франсийский диалект и не устанавливать его характерные особенности, а во-вторых, описывать процесс формирования французского языка как койнетизацию, или как внедрение (*implantation*) «общефранцузских» форм, идентичных «междиалектным» и французским (*françoises*), в региональные говоры для последующего вытеснения всех диалектных форм [Picoche, Marchello-Nizia, 1996, с. 24–25].

Заметим, что французский (*françois*) понимается авторами как ‘франсийский’: «<...> *le mot «françois» (le ‘francien’ des philologues du XIXe s.) ne s’applique qu’au parler d’une région et non à l’ensemble des parlers d’oil alors désigné par le terme de ‘roman’ <...>*» [Picoche, Marchello-Nizia, 1996, с. 23] – слово «французский» (‘франсийский’ филологов XIX века) обозначает только говор одного района, а не все говоры языка *oïl*, в этом случае обозначаемого термином ‘романский’.

Получается, что на самом деле употребление терминов «общефранцузский» и «междиалектный» обусловлено не реальной общностью или междиалектностью описываемых форм, но представлением Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья о процессе формирования французского языка, в котором нет места франсийскому диалекту, а значит и франсийским формам. Поэтому вытесняют и заменяют в говорах региональные формы не франсийские, а «общефранцузские» и «междиалектные», о тождестве которых можно упомянуть вскользь.

Понимание того, что рукописи представляют не разговорный, а письменно-литературный язык, обусловило использование терминов «литературные», «письменные», «наддиалектные», «надрегиональные», «нейтральные», «нейтрализованные», которыми обычно обозначаются формы так называемого ярко выраженного французского характера, т. е. не обладающие специфичными диалектными или региональными чертами. Известно, что наддиалектность признаётся одной из главных характеристик литературного языка, а большинство лингвистов и литературоведов убеждено в том, что уже эпические поэмы, созданные в XI–XII веках и зафиксированные в рукописях XII–XIV веков, представляют литературно обработанную форму французского языка.

Определение форм как «литературных», «наддиалектных», «нейтральных» и т. д. означает, что в качестве материала для сравнения берётся современный нормативный французский язык. Только по отношению к нему одни формы будут обладать региональной спецификой, а другие будут нейтральными, не имеющими никакого регионально специфичного характера, следовательно, будут «литературными», «надрегиональными», противопоставленными «просторечным» и «региональным». Только так мы можем объяснить приводимые выше мнения об отсутствии характерных черт у франсийского диалекта: поскольку в основе современного французского языка лежит франсийский диалект, то нейтральными или надрегиональными будут преимущественно франсийские формы.

Но нельзя подходить к анализу старофранцузского языка и его диалектов с точки зрения современного французского языка и его кодифицированной нормы: если какие-то региональные формы присутствовали,

например, в бургундском диалекте, но отсутствовали во французском, то это различие составляет региональную специфику не только бургундского, но одновременно и французского диалекта.

Например, известное отличие пикардской диалектной зоны от французской основано на противопоставлении результатов палатализации [ke, ki > tʃe, tʃi] в пикардском вместо [ke, ki > tse, tsi] во французском. Считается, что в рукописях это различие обычно выражалось диграфом «ch» и графемой «c», т. е. французское написание *ciel*, пикардское *chiel*.

В старофранцузском языке и формы на «c» [ts], и формы на «ch» [tʃ] являются одинаково регионально маркированными и характеризуют одновременно как пикардский диалект с «ch» [tʃ], так и французский с «c» [ts]. Значительно позднее французские формы на «c» [ts > s] станут нормативными французскими, а формы на «ch» [tʃ > ʃ] – региональными, характерными для пикардского и валлонского диалектов. Но в старофранцузский период никакой наддиалектности, нейтральности или литературности у этих французских форм не было, поскольку ещё не было ни нормативного языка, ни кодифицированной нормы.

Однако именно на основании такой интерпретации рукописных форм появилось сомнение как в существовании французского диалекта, так и французских рукописей: раз нет региональной специфики, значит, нет ни французского диалекта, ни французских рукописей.

Несомненно, чтобы трактовать одни формы как «нейтральные», «наддиалектные», «надрегиональные» и др., а другие – как «диалектные», «региональные», необходимо предложить чёткие критерии классификации. Однако во многих работах, в том числе последних лет, подобная классификация форм проводится без какого-либо уточнения исходных понятий.

Так, М.-Д. Глессген [Glessgen, 2008], анализируя лотарингские хартии XIII века, тщательно разбирает рукописные формы и определяет их региональную принадлежность, демонстрируя блестящую профессиональную эрудицию: идентификация каждой лотарингской формы подтверждена данными современных говоров, Атласов А. Дееса, различных диалектологических и скриптологических работ. Напротив, «надрегиональность» всех остальных, причём наиболее частотных форм, не аргументируется ничем, но автор уверенно заявляет об их безусловно не центральном происхождении [Glessgen, 2008, с. 522].

В другой своей работе, посвящённой истории парижской скрипты, уже до представления результатов анализа, М.-Д. Глессген сразу определяет «парижскую» скрипту как бесспорно «нейтральную», основываясь на идеях Ф. Морена, который дал такие определения термину ‘французский’:

- 1) разговорный язык/диалект Иль-де-Франса, ставший национальным языком («идеологическая химера»);
- 2) письменная разновидность/скрипта Иль-де-Франса (неизвестная);
- 3) нейтральная скрипта по сравнению с такими регионально маркированными как пикардская или англо-нормандская, тем не менее представляющая два подвида: без конкретной локализации и с локализацией в единой зоне, объединяющей Иль-де-Франс, Париж и Нормандию.

М.-Д. Глессген уточняет определение двух последних подвидов как: 1) локализуемая и датируемая скрипта Парижа / Иль-де-Франса, и 2) «нейтрализованная скрипта», определение которой дано следующее [Glessgen, 2017, с. 327]: «*une scripta neutralisée, sans substrat géographique, née essentiellement d'un dialogue entre les différentes scriptae régionales, notamment par des effets de copie*» - нейтрализованная скрипта, без географического субстрата, возникла в основном из взаимодействия между различными региональными скриптами, в особенности как результат копирования.

В смешении этих двух разных видов скрипт – «франсийской» и «нейтрализованной» – М.-Д. Глессген видит причину всех споров в трактовке и описании «внутренней языковой эволюции» (*évolutions linguistiques internes*).

Если судить по замечаниям и разъяснениям М.-Д. Глессгена, «нейтрализацией» автор, вслед за Г. Геблем, называет процесс переписывания рукописи, выполненной в одном районе, переписчиками других районов, которые заменяли одни региональные формы на другие, таким образом нейтрализуя первоначальный региональный колорит.

Между тем, замена одних региональных форм на другие должна вызывать не «нейтрализованность», а гетерогенность итогового, т. е. анализируемого рукописного текста, в котором одновременно будут присутствовать формы разных диалектов. Поэтому в текстологии было принято вычленять из любого рукописного текста формы «диалекта автора» и формы «диалектов переписчиков».

«Нейтрализация» исходного регионального характера может получиться только при замене региональных форм на «нейтрализованные» или «нейтральные», т. е. те же франсийские, создающие так называемый «(обще)французский», а в данной теории – «нейтрализованный» – фон.

По данным скриптологов, например, Л. Ремакля и Ш.-Т. Госсена, не только литературные тексты, переписанные многократно, но и хартии, подавляющее большинство которых являются оригинальными, а не переписанными текстами, содержат до 70–80%, а иногда и более, франсийских – в данной терминологии «нейтральных» – форм.

Кроме этого, рукописный текст является результатом, с одной стороны, взаимодействия разных лингвистических систем: системы автора, системы первого переписчика, системы второго переписчика, третьего и т. д., а с другой, – компромисса, поскольку переписчики находились между двумя полюсами притяжения: желанием как можно лучше скопировать протограф (переписываемую рукопись) и желанием следовать своим лингвистическим привычкам [Становая, 1996 ; Rychner, 1960 ; Segre, 1976 ; Zumthor, 1987].

Замена или сохранение форм протографа были обусловлены нормативными установками скрипт, в рамках которых переписчики работали и / или были выучены. Так, например, пикардские переписчики вносили много исправлений в выполняемые рукописи, изменяя, часто значительно, языковые формы и текст в целом. Все изменения выполнены в едином русле, а все тексты, зафиксированные в рукописи, обладают ярко выраженным региональным характером, существенно облегчающим локализацию

пикардских рукописей. Создание унифицированного пикардского узуса часто называется исследователями «пикардизацией» (*picardisation*). Выше мы приводили пример «шампанизации». Напротив, многие франсийские переписчики больше следовали протографу, поэтому франсийские варианты часто определяются как наиболее близкие к архетипу. Тексты, зафиксированные во франсийских рукописях, могут отличаться окказиональными формами, что чрезвычайно осложняет их локализацию (подробнее см.: [Становая 2018]).

Таким образом, определение практики производства рукописей как простой «нейтрализации», а всех непикардских скрипт – как «нейтрализованных», мало способствует пониманию специфики именно парижской скрипты.

Критикуя уточненную в библиографии DEAF (*Dictionnaire Étymologique de l'Ancien Français*) локализацию большого количества литературных произведений как франсийских, М.-Д. Глессген недовольно замечает, что подобная локализация может создать у исследователей ошибочное представление о древности франсийской литературной традиции, восходящей к самым первым французским текстам: «*Le simple fait d'y voir une série d'oeuvres qualifiées de 'francien' pour une période comprise entre ca 1130 et ca 1250 nourrira auprès de tout utilisateur l'idée selon nous erronée que ce francien posséderait une tradition ancienne remontant jusqu'à la première époque des textes français*» [Glessgen? 2017, с. 333] – 'Сама возможность увидеть там (т. е. в этимологическом словаре и библиографии – Л. С.) серию произведений, созданных в период между 1130 и 1250 годами и классифицированных как франсийские, сформирует у любого пользователя неправильную, по нашему мнению, концепцию, что у этого франсийского (диалекта) есть древняя традиция, восходящая к первой эпохе французских текстов'.

Чтобы такого «неверного» представления ни у кого не возникло, М.-Д. Глессген называет «сильно нейтрализованными» (*fortement neutralisées*) все рассматриваемые формы, зафиксированные в анализируемых парижских текстах, в том числе в латинских хартиях парижских скрипториев VIII–XII веков. Поэтому даже форма топонима *la Coldra* (< *colurus) с эпентетическим согласным в группе [l'r], зафиксированная в латинской хартии из Сен-Дени приблизительно 1077 г., свидетельствует лишь о высоком профессиональном уровне парижских скрибов и о том, что с самого начала французская письменность отличается четким стремлением к бездиалектному характеру: «<...> *l'écrit se caractérise (comme à l'époque pré-textuelle) par une forte volonté de dédialectisation grapho-phonétique, morphologique et lexicale* <...> [Glessgen, 2017, с. 341, 384] – 'письмо характеризуется (как и в пред-текстовый период) сильным стремлением к графофонетической, морфологической и лексической де-диалектизации'.

Между тем, наличие эпентетических согласных в группах [-lr-], [-nr-], [-ml-] является столь важным признаком, разграничивающим диалектные зоны запада и центра от зоны восточных диалектов, что специалисты называют эту изоглоссу лингвистических атласов «восточной границей» (подробнее см.: [Lodge, 2002]).

Получается, что уже в латинской хартии XI века скриптория Сен-Дени около Парижа представлена графическая форма, отражающая важную фонетическую особенность франсийского говора. Однако определить указанную форму как франсийскую означает признать существование франсийского диалекта и скрипты, а соответственно, и их роли в становлении французского языка и письменности. Назвав же франсийскую форму «нейтральной» или «нейтрализованной», можно легко выстроить как теорию «нейтральной» парижской скрипты, так и историю «бездиалектной» французской письменности.

Можно заключить, что всё разнообразие указанных многочисленных терминов, обозначающих одни и те же так называемые «(обще)французские» формы, не только не способствует определению регионального происхождения этих форм, а, наоборот, скрывает, мешая тем самым решению главного вопроса о диалектной основе французского языка и скриптуральной основе французской письменности.

Мы определили рассматриваемые формы как франсийские по следующей причине. Наше исследование старофранцузских скрипт [Становая, 1994; Stanovaia, 2003] показало, что пикардские, бургундские, нормандские, валлонские, англо-нормандские и лотарингские рукописи содержат две серии наиболее частотных форм:

1 серия – это так называемые «(обще)французские» формы;

2 серия – региональные формы, характерные для базового диалекта и выступающие в разных скриптах как региональные варианты «(обще)французских» форм.

Например, во всех изученных французских рукописях зафиксированы формы указательных местоимений мужского рода *cil*, *cist* (прямой падеж единственного и множественного числа), одновременно с которыми в валлонских рукописях употреблены валлонские *chis*, *cis/z*, *chist* (прямой падеж единственного числа); *cilh*, *chilh*, *chis* (прямой падеж множественного числа), в пикардских – пикардские *chis*, *cis*, *cius* (прямой падеж единственного числа); *chist*, *chil* (прямой падеж множественного числа), в лотарингских – лотарингские *s/cil*, *s/cist*, *s/cel* (прямой падеж единственного и множественного числа), *s/cel*, *s/cest*, *s/ces*, *s/cil* (косвенный падеж единственного числа); в англо-нормандских – англо-нормандские *(i)cil*, *(i)cist* (прямой падеж единственного числа); *(i)cil*, *cist* (прямой падеж множественного числа); и т. д.

Соотношение «(обще)французских» и региональных форм варьируется в разных скриптах, но во всех скриптах региональные формы уступают по частоте употребления «(обще)французским». Именно поэтому скриптологи справедливо утверждали, что в основе любой региональной скрипты лежит базовый диалект, черты которого лишь частично проявляются в письменной традиции, придают определённый региональный колорит рукописи, однако не включают в себя все диалектные особенности региона (см., напр., [Gossen, 1968]).

Количество отдельных региональных форм, составляющих специфику того или иного диалекта, варьирует в разных текстах и зависит от ряда факторов.

1. Тип текста. Хартии всегда содержат больше региональных форм, чем литературные тексты. Например, пикардские формы определенного артикля женского рода *li*, *le* зафиксированы в пикардских рукописных текстах в количестве: в литературных – 5–15%, по нашим данным, 27–31%, по данным А. Дееса; в хартиях 42–99%, по данным А. Дееса. Заметим, что разница в данных А. Дееса и наших обусловлена разной методикой анализа: мы считали абсолютное количество, т. е. количество одних форм по отношению ко всем употребленным в анализируемом тексте формам, например, количество форм *li*, *le* – к количеству всех форм определенного артикля женского рода. А. Деес считал относительное количество, т. е. количество одних форм по отношению к другим формам, например, в соотношении форм определенного артикля женского рода *le*: *la*, форма *le* оказывается более частотной (99%), чем *la* (1%).

2. Скрипта. Пикардские скрипты содержат максимум региональных форм, а нормандские – минимум. Например, количество отдельных пикардских форм может достигать в пикардских хартиях 90%, в литературных рукописях – 40%; но в нормандских хартиях – 22%, в литературных рукописях – 3%.

3. Времени создания рукописного текста. Количество региональных форм увеличивается к концу XIII – началу XIV веков и достигает максимума в рукописях XV века. Например, валлонские формы притяжательных местоимений единственного числа мужского рода *men*, *ten*, *sen* практически отсутствуют в литературных рукописях XIII века: 0,1% по нашим данным, 0% по данным А. Дееса; женского рода *me*, *te*, *se* – 9% по нашим данным, 12% по данным А. Дееса. В валлонской рукописи XV века, представляющий текст эпической поэмы XII века «Рено де Монтобан» (*Renaut de Montauban*) указанные валлонские формы составляют большинство.

Французские рукописи, выполненные в Иль-де-Франсе, Турени, Санлисе, Орлеане и Суассоне, содержат только одну серию наиболее частотных форм, а именно – только так называемые «(обще)французские» формы, т. е., например, только формы *cil*, *cist*.

По нашему мнению, отсутствие серии региональных форм базовых диалектов указанных районов может быть объяснено только одним: так называемые «(обще)французские» формы являются на самом деле центрально-французскими, или франсийскими региональными формами. Никак иначе нельзя объяснить относительную языковую однородность этих французских рукописей и их отличие от рукописей всех остальных районов Франции.

А это, в свою очередь, означает, что во всех французских рукописях употребляются на самом деле франсийские формы и их региональные пикардские, бургундские, нормандские, валлонские, англо-нормандские и лотарингские варианты. Во франсийских рукописях, естественно, употребляются только франсийские формы.

Взаимовлияние старофранцузских скрипт проявляется в спорадическом употреблении отдельных форм других районов страны, однако это употребление не влияет на общий состав форм: франсийские – большинство, региональные – меньшинство. Однако со временем, особен-

но в течение XIV–XV веков, количество региональных форм растёт, опровергая тем самым мнение о распространении франсийского диалекта вместе с королевской властью.

Такие характеристики старофранцузских скрипт и особенности формирования французского письменного языка мы связали с историей формирования письменности и ролью аббатства Сен-Дени в этом процессе и заключили, что франсийский диалект действительно являлся диалектной базой французского языка, а франсийская скрипта – скриптуральной основой французской письменности [Скредина, Становая, 2015; Становая, 1994; Stanovaia, 2003].

Заключая, отметим фактически отсутствие специальных исследований: несмотря на всю важность рассматриваемых вопросов, оказывается, что франсийские и другие центрально-французские скрипты, равно как и диалекты, вызывающие столько споров у романистов, остаются практически неизученными, в отличие от всех остальных старофранцузских диалектов и скрипт. Есть всего два исследования: диссертация Э. Мецке [Metzke, 1880–1881], общим объёмом в 68 страниц, посвящённая рассмотрению собственно франсийского диалекта, и диссертация М. С. Воробей [Воробей, 2015], представляющая изучение фонетико-графических особенностей франсийской и других центральных скрипт. В последние десятилетия появились работы по некоторым особенностям парижских хартий и произведений парижских авторов, таких как Рутбеф (Rutebeuf) и Жофрей Парижский (Geoffroy de Paris) [de Jong, 2006; Videsott, 2013; Glessgen, 2017]. Все остальные описания особенностей франсийского диалекта и франсийской скрипты содержатся в общих работах по истории французского языка и исследованиям старофранцузских скрипт.

Очевидно, что все спорные вопросы, о которых шла речь, должны стать предметом новых всесторонних исследований.

5. Заключение

Термин ‘франсийский’ (*francien*) был введён Г. Парисом в конце XIX века для обозначения диалекта Иль-де-Франса. Это было необходимо, с одной стороны, для того, чтобы разделить и обозначить разные понятия – ‘французский язык’ как язык Франции vs ‘франсийский диалект’ как диалект одного из районов Франции: исторически они назывались одинаково «французский» (*franceis, francois, français*). С другой стороны, было необходимо упорядочить терминологию, сложившуюся в исторической диалектологии французского языка к концу XIX века: диалект Иль-де-Франса разными авторами назывался по-разному – французским, центрально-французским, центральным, диалектом Иль-де-Франса и / или Парижа.

Уже в XIX веке была сформулирована и получила широкое распространение концепция формирования французского письменно-литературного языка на базе франсийского диалекта, представленная в трудах выдающихся романистов и историков французского языка XIX–XX веков таких как, Г. Парис, Л. Готье, П. Мейер, Ж. Бедье, В. Мейер-Любке, Ф. Брю-

но, Ш. Брюно, Э. Бурсье, А. Доза, В. фон Вартбург и др. Критика этой концепции, резко обострившаяся в связи с формированием «новой» истории французского языка и, соответственно, общей критикой всей традиционной истории языка в целом, завершилась провозглашением отсутствия франсийского диалекта вообще и привела к созданию терминологической путаницы, постоянно уводящей романистов в сторону от определения статуса и основных характеристик франсийского диалекта как одного из диалектов французского языка.

Проведённый анализ критики традиционной истории французского языка позволил сделать вывод о её необоснованности, а дискуссий по поводу формирования французского письменно-литературного и национального языка – заключить, что многие проблемы и споры вызваны, во-первых, непоследовательным разграничением языка и письменности, и во-вторых, отождествлением несуществующих текстов произведений с реальными текстами сохранившихся рукописей.

Решение многих вопросов осложнено также ограниченным рукописным фондом. Французский язык IX–XIII веков представлен в рукописях неравномерно как хронологически, так и географически. Французские рукописи IX–XI веков малочисленны – их всего четыре, при этом их локализация вызывает нескончаемые споры. Большинство сохранившихся рукописей XII века являются англо-нормандскими, одна туренская, одна или возможно, две лотарингские рукописи. Основным материалом исследования старофранцузского языка представляют рукописи XIII века.

Таким образом, ведущая роль какого-либо диалекта в литературном языке XII века, не говоря уже о более раннем времени, не может быть достоверно обоснована на материале сохранившихся рукописей. Использование же временных и диалектных характеристик текста произведения привело к искажению хронологии и описанию как общей эволюции французского языка, так и вопросов формирования его письменно-литературной формы.

Если последовательно отделить диалект как региональный вариант языка от скрипты как регионального варианта письменности, то вопрос о существовании франсийского диалекта как диалекта Иль-де-Франса решается сам собой. Мы убеждены, что в каждом регионе был свой собственный диалект, поэтому мы принимаем и используем термин ‘франсийский’, который считаем необходимым для изучения и описания лингвистической ситуации в старо- и среднефранцузский период. Мы считаем, что так же, как в Пикардии говорили по-пикардски, в Валлонии – по-валлонски, в Нормандии – по-нормандски, в Лотарингии – по-лотарингски, в Иль-де-Франсе говорили по-франсийски.

Мы считаем методологически неверной произошедшую замену термина ‘франсийский’, ставшего в результате яростной критики своего рода табу, на термин ‘парижский’: Париж и его пригороды являются только частью региона Иль-де-Франс, соответственно, термин ‘парижский’ обозначает значительно более узкое понятие, чем ‘франсийский’.

Особенности формирования французского письменного языка связаны, по нашему мнению, с историей формирования письменности и ролью

аббатства Сен-Дени в этом процессе. Мы полагаем, что франсийский диалект действительно являлся диалектной базой французского языка, а франсийская скрипта – скриптуральной основой французской письменности.

Несмотря на всю важность рассматриваемых вопросов, скрипты Иль-де-Франса и других центральных районов, равно как и диалекты, вызывающие столько споров у романистов, остаются практически неизученными, в отличие от всех других старофранцузских диалектов и скрипт. Очевидно, что все спорные вопросы, о которых шла речь, должны стать предметом новых всесторонних исследований.

Список литературы

1. Бэкон, Р. Избранное [Электронный ресурс] / Р. Бэкон. – URL : <https://sv-scena.ru/Wiki/Izbrannoje-4.html> (дата обращения – 10.07.2019.).
2. Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
3. Воробей, М. С. Особенности центрально-французских скрипт [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук . 10.02.05 / Воробей Мария Сергеевна ; РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб, 2015. – 24 с.
4. История Франции Т. 1. [Текст] / отв. ред. А. З. Манфред. – М. : Наука, 1972. – 359 с.
5. Катагощина, Н. А. История французского языка. - 2- е изд., испр. [Текст] / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф – М. : Высшая школа, 1976. – 319 с.
6. Потенбня, А. А. Из записок по теории словесности (Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложения) [Текст] / А. Ф. Потенбня – Харьков : М. Зильберберг и С- вья, 1905. – VI, 652 с.
7. Романова, В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XII-XIV вв. (По материалам собрания рукописных книг Гос. Публ. Б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) [Текст] / В. Л. Романова. – М. : Наука, 1975. – 239 с.
8. Скрелина, Л. М. Некоторые вопросы развития языка (Проблемы и методы диахронических исследований) [Текст] / Л. М. Скрелина. – Минск : БГУ, 1973. – 143 с.
9. Скрелина, Л. М. История французского языка. – 3 изд. [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Юрайт, 2015 (1 издание – 2001; 2 издание - 2005). – 463 с.
10. Становая, Л. А. Соотношение формы и функции в системе имени существительного (на материале французского языка раннего периода) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук 10.02.05 / Становая Лидия Анатольевна ; МОПИ. – М., 1984. – 187 с.
11. Становая, Л. А. Старофранцузская морфология и теория скрипты [Текст] : дис. ... докт. филол. наук. 10.02.05 / Становая Лидия Анатольевна ; РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб. , 1994. – Т. 1--2. – 503 с.
12. Становая, Л. А. Введение в скриптологию [Текст] / Л. А. Становая. – СПб. : Златоуст, 1996. – 96 с.
13. Становая, Л. А. Использование «вертикального» и «горизонтального» методов в исследованиях по истории языка [Текст] / Л. А. Становая // Известия РГПУ. – 2018. – № 189. С. 219–229.

14. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка [Текст] / А. А. Шахматов. – Л. : Гос. Изд-во, 1925. – 211 с.
15. Шишмарев, В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка [Текст] / В. Ф. Шишмарев. – М.- Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 557 с.
16. Bédier, J. La Chanson de Roland commentée [Text] / J. Bédier. – Paris : Piazza, 1927. – IV, 527 p.
17. Bergounioux, G. Le francien (1815-1914): La linguistique au service de la patrie [Text] / G. Bergounioux // Mots / les langages du politique. – 1989. – № 19. – P. 23–40.
18. Brunot, F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance [Text] / F. Brunot. – P. : Collin, 1966 (2 e tirage 1973). – XXXVIII, 597 p.
19. Burdy, Ph. Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle [Text] / Ph. Burdy // Manuel de linguistique française / Édité par Claudia Polzin-Haumann et Wolfgang Schweickard. – Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2015. – P. 11–38.
20. Burguy, G. Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles. T. 1 [Text] / G. Burguy. – Berlin : Schneider et comp., 1853. – 409 p.
21. Carolus-Barré, L. Les plus anciennes chartes en langue française. T. 1. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise 1241-1286 [Text] / L. Carolus-Barré. – P. : Klincksieck, 1964. – CXXII, 333 p.
22. Cerquiglini, B. La Naissance du français [Text] / B. Cerquiglini. – Paris : PUF, 1993. – 127 p.
23. Chaurand, J. Histoire de la langue française [Text] / J. Chaurand. – P. : PUF, 1969. – 128 p.
24. Chaurand, J. Pour l'histoire du mot francien [Text] / J. Chaurand // Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Lorient. – Dijon : ABDO, 1983. C.91–99.
25. Chaurand, J. Nouvelle histoire de la langue française [Text] / ed. J. Chaurand. – Paris : Éditions du Seuil, 1999. – 808, [8] p.
26. Cohen, M. Histoire d'une langue: le français (dès lointaines origines à nos jours). 4- ème éd [Text] / M. Cohen. – P. : Editions Sociales, 1973. – 513 p.
27. Dees, A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. [Text] / A. Dees. P. van Reenen, J. A. de Vries. – Tübingen : Niemeyer, 1980. – XIII, 371 p.
28. Dees, A. Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français [Text] / A. Dees, M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. – Tübingen : Niemeyer, 1987. - 684 p.
29. Delbouille, M. Comment naquit la langue française? [Text] / M. Delbouille // Phonétique et linguistique romanes. Mélanges of. A. G. Straka. T. 1. – Strasbourg-Lion : Société de Linguistique Romane, 1970. – P.187–199.
30. Fallot, G. Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle [Text] / G. Fallot. – P. : Imprimerie Royale, 1839. – 588 p.
31. Génin, F. Des variations du langage français depuis le XIIe siècle [Text] / F. Génin. – P. : Didot frères, 1845. – XL, 553 p.
32. Glessgen, M.-D. Les lieux d'écriture dans les chartes lorraines du XIIIe siècle. [Text] / M.-D. Glessgen // Revue de linguistique romane. – 2008. – № 72. – P. 413–540.

33. Glessgen, M.-D. La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien' [Text] / M.-D. Glessgen // *Revue de Linguistique Romane*. – 2017. – T. 81. – № 323–324. – P. 313–397.
34. Gossen Ch.-Th. Graphème et phonème: problème central de l'étude des langues écrites du Moyen Age [Text] / Ch.-Th. Gossen // *Revue de Linguistique Romane*. – 1968. – T. 32. – № 125–126. – P. 1–16.
35. Grande grammaire historique du français <http://www.ilf.cnrs.fr/spip.php?rubrique125> (дата обращения – 10.05.2019.)
36. Jong, Thera de. La prononciation des consonnes dans le français de Paris aux 13-ème et 14-ème siècles [Electronic Resource] / Thera de Jong. – Landelijke : Netherlands Graduate School of Linguistics, 2006. – 324 p.
37. Henry, A. Contribution à l'étude du langage œnologique en langue d'oïl (XIIe-XVe s.) [Text] / A. Henry // Bruxelles: Académie royale de Belgique, Classe des lettres et des sciences morales et politiques (Mémoires de la Classe des Lettres. Collection in-8°, 3e série). – 1996. – № 14. – T. 1. – P. 170–171; № 15. – T. 2. – P. 187–190.
38. Hilty, G. Les origines de la langue littéraire française [Text] / G. Hilty // *Vox Romanica*. – 1973. – T. 32. – P. 254–271.
39. Lepelley, R. Langue vulgaire et langue littéraire en Normandie du XIIe au XVIIIe s [Text] / R. Lepelley // *Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Domaine d'oïl et domaine franco-provençal. Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka*. – P. : Klincksieck, 1972. – P. 429–438.
40. Littré, E. Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age [Text] / E. Littré. – T. 1. – P. : Didier, Perrin et Co, 1886. – 436 p.
41. Lodge, R. A. Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue [Text] / R. A. Lodge. – Paris : Fayard, 1997. – 382 p.
42. Lodge, R. A. «Francien» et «français de Paris» [Text] / R. A. Lodge // *Linx*. – 2002. – 12. – P. 149–172.
43. Lodge, R. A. Standardisation, koïnésiation et l'historiographie de français [Text] / R. A. Lodge // *Revue de Linguistique Romane*. – 2010. – T. 74. – № 293–294. – P. 5–26.
44. Lüdtke, H. Discussion sur la communication de R. Lepelley [Text] / H. Lüdtke // *Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka*. – P. : Klincksieck, 1972. – P. 434–436.
45. Lusignan, S. La Langue des rois au Moyen Âge. Le français en France et en Angleterre [Text] / S. Lusignan. – Paris : PUF, 2004. – 296 p.
46. Metzke, E. Der Dialekt von Ile de France im XIII und XIV Jahrhundert [Text] / E. Metzke // *Herrig's Archive*. – 1880. – S. 385–412; 1881. – S. 57–96.
47. Paris, G. Les parlers de France [Text] / G. Paris // *Romania*. 1889. – № 17. – P. 475–489.
48. Paris, G. La littérature française au Moyen Age (XIe-XIVe ss.) [Text] / G. Paris. – P. : Hachette, 1890. – 316 p.
49. Picoche, J. Histoire de la langue française. 4ème éd. [Text] / J. Picoche, Marchello-Nizia Chr. – Paris : Nathan, 1996. – 399 p.
50. Remacle, L. Le problème de l'ancien wallon [Text] / L. Remacle. – Liège : Fac.de Philosophie et Lettres, 1948. – 230 p.

51. Rychner, J. Contribution à l'étude des Fabliaux. Variantes, remaniements, dégradations [Text] / J. Rychner. – Genève : Droz, 1960. – 148 p.
52. Robson, C. A. Literary language, spoken dialect and the phonological problem in Old French [Text] / C. A. Robson // Transactions of the philological Society 1955. – Oxford : Blackwell, 1956. – P. 117-180.
53. Segre, C. Critique textuelle, théorie des ensembles et diasystèmes [Text] / C. Segre // Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques. – 1976. – T. 62–5. – №10–11. – P. 279–292.
54. Simoni-Aurembou, M.-R. Le français régional en Ile-de-France et dans l'Orléanais [Text] / M.-R. Simoni-Aurembou // Langue française. – 1973. – № 18. – P. 126–136.
55. Simoni-Aurembou, M.-R. Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais (île de France, Orléanais, Perche, Touraine) [Text] / M.-R. Simoni-Aurembou. – Paris : CNRS Editions, 1973–1978. – 1–2 vol. – 687 p. : cartes, ill.
56. Stanovaia, L. A. La standardisation en ancien français [Text] / L. A. Stanovaia // The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII). – Leuven : Leuven University Press, 2003. – P. 241–272.
57. Stanovaia, L. A. Traits typiques des scripta anglo-normandes [Text] / L. A. Stanovaia // Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes / Éd. par D. Trotter. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. – T. II. – P. 423–440.
58. Trotter, D. «UNE ET INDIVISIBLE»: Variation and Ideology in the Historiography and History of French [Text] / D. Trotter // Revue Romane de Linguistique (București). – 2006. – LI. 2. – p. 359–376.
59. Videsott, P. Les débuts du français à la Chancellerie royale: analyse scriptologique des chartes de Philippe III (1270-1285) [Text] / P. Videsott // Revue de Linguistique Romane. – 2013. – T. 77. – P.3–49.
60. Vorobei, M. La vocalisation du 'l' dans les scriptas centrales [Text] / M. Vorobei // Histoire et évolution du français. – 2018. – № 4. :Nouvelles voies d'accès au changement linguistique. – P. 413–420.
61. Zumthor, P. La lettre et la voix. De la «littérature» médiévale [Text] / P. Zumthor. – Paris : le Seuil, 1987. – 350 p.
62. Wacker, G. Über das Verhältniss von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen [Text] / G. Wacker. – Halle : Niemeyer, 1916. – X, 87 s.
63. Woledge, Br. Un scribe champenois devant un texte normand. Guiot, copiste de Wace [Text] / Br. Woledge // Publications romanes et françaises. Mélanges de langue et de littérature du Moyen Age et de la Renaissance offerts à J. Frappier. T. II. – Genève : Droz, – 1970. – P. 1139–1154.
64. Woledge, Br. Liste provisoire de manuscrits du XIIe siècle contenant des textes en langue française [Text] / Br. Woledge, I. Short // Romania. – 1981. – T. 102. – № 1. – P. 1–17.

References

1. Bacon, R. *Izbrannoe* [Selects works]. Retrieved July 10, 2019 from <<https://sv-scena.ru/Buki/Izbrannoye-4.html>>.
2. Vinogradov, V. V. (1978). *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected Works. The history of the Russian literary language]. Moscow.

3. Vorobey, M. S. (2015). *Osobennosti tsentral'no-frantsuzskikh skript* [Particularities of the Central French scripta]. St-Petersburg.
4. Istoriya Frantsii T.1. (1972). [History of France]. Ed. by A. Z. Manfred. Moscow : Nauka Press.
5. Katagoshchina, N. A. *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of French]. Moscow.
6. Potebnya, A. A. (1905). *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From the notes on the theory of literature]. Kharkov.
7. Romanova, V. L. (1975). *Rukopisnaya kniga I goticheskoe pismo vo Frantsyi v XII–XIV vekakh* [Handwritten book and Gothic writing in France in the XII–XIV centuries]. Moscow.
8. Skrelina, L. M. (1973). *Nekotorye voprosy razvitiya yazyka (problemy I metody diakhronicheskogo issledovaniya)* [Some issues of language development (Problems and methods in diachronic study)]. Minsk : Belorussian State University Press.
9. Skrelina, L. M., Stanovaïa, L. A. (2015). *Istoriya frantsuzskogo yazika* [History of the French language]. Moscow.
10. Stanovaïa, L. A. (1984). *Sootnochenie formy I funkzii v sisteme imeni suchestvitelnogo* [The Correlation of form and function in the system of noun]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Regional University Press.
11. Stanovaïa, L. A. (1994). *Starofrantsuzskaya morfologiya I teoriya scripty* [Old French morphology and theory of scripta]. Doctoral diss in Philology. St-Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia press.
12. Stanovaïa, L. A. (1996). *Vvedenie v scriptologiyu* [Introduction to Scriptology]. St-Petersburg.
13. Stanovaïa, L. A. (2018). Ispolsovaniye «vertikalnogo» i «horizontalnogo» metodov v issledovaniyah po istorii yazika [Use of "vertical" and "horizontal" methods in research on the history of the language]. *Izvestiya RGPU* [Izvestia. Herzen University Journal of Humanities & Science], 189, 219–229.
14. Shakhmatov, A. A. (1925). *Otcherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazika*. [Essay on the modern Russian literary language]. Leningrad.
15. Shishmarev, V. F. (1955). *Kniga dlia chtenya po istorii frantsuzskogo yazika* [Book to read the history of the French language]. Moscow : Nauka.
16. Bédier, J. (1927). *La Chanson de Roland commentée*. Paris.
17. Bergounioux, G. (1989). Le francien (1815–1914): La linguistique au service de la patrie. *Mots / les langages du politique*, 19, 23–40.
18. Brunot, F. (1966, 2 e tirage 1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T.1. De l'époque latine à la Renaissance*. Paris.
19. Burdy, Ph. (2015). Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle. In Claudia Polzin-Haumann et Wolfgang Schweickard (Ed.), *Manuel de linguistique française* (pp. 11–38). Berlin / Boston : Walter de Gruyter GmbH.
20. Burguy, G. (1853). *Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles. T.1*. Berlin.
21. Carolus-Barré, L. (1964). *Les plus anciennes chartes en langue française. T.1. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise*. Paris.
22. Cerquiglini, B. (1993). *La Naissance du français*. Paris.
23. Chaurand, J. (1969). *Histoire de la langue française*. Paris.

24. Chaurand, J. (1983). Pour l'histoire du mot francien. *Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Loriot* (pp. 91–99). Dijon : ABDO.
25. Chaurand, J. (1999). *Nouvelle histoire de la langue française*. Paris.
26. Cohen, M. (1973). *Histoire d'une langue: le français (dès lointaines origines à nos jours)*. 4-ème éd. Paris.
27. Dees, A. (1980). *Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle*. Avec le concours de P. van Reenen et J. A. de Vries. Tübingen.
28. Dees, A. (1987). *Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français*. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen.
29. Delbouille, M. (1970). Comment naquit la langue française? *Phonétique et linguistique romanes* (pp. 187–199). Mélanges of. A. G. Straka. T. 1. Strasbourg-Lion : Société de Linguistique Romane.
30. Fallois, G. (1839). *Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle*. Paris.
31. Génin, F. (1845). *Des variations du langage français depuis le XIIe siècle*. Paris.
32. Glessgen, M.-D. (2008). Les lieux d'écriture dans les chartes lorraines du XIIIe siècle. *Revue de linguistique romane*, 72, 413–540.
33. Glessgen, M. (2017). La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien'. *Revue de Linguistique Romane*, T. 81, № 323–324, 313–397.
34. Gossen, Ch.-Th. (1968). Graphème et phonème: problème central de l'étude des langues écrites du Moyen Age. *Revue de Linguistique Romane*, T. 32. № 125–126, 1–16.
35. Grande grammaire historique du français. Retrieved May 10, 2019 from <<http://www.ilf.cnrs.fr/spip.php?rubrique125>>.
36. Jong, Thera de. (2006). *La prononciation des consonnes dans le français de Paris aux 13-ème et 14-ème siècles*. Electronic Format. Landelijke.
37. Henry, A. (1996). Contribution à l'étude du langage œnologique en langue d'oïl (XIIe–XVe s.). *Bruxelles: Académie royale de Belgique, Classe des lettres et des sciences morales et politiques (Mémoires de la Classe des Lettres. Collection in-8°, 3e série)*. 14. T. 1. P. 170–171 ; 15. T. 2. P. 187–190.
38. Hilty, G. (1973). Les origines de la langue littéraire française. *Vox Romanica*, 32, 254–271.
39. Lepelley, R. (1972). Langue vulgaire et langue littéraire en Normandie du XIIe au XVIIIe s. *Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Domaine d'oïl et domaine franco-provençal* (pp. 429–438). Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka. Paris : Klincksieck.
40. Littré, E. (1886). *Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age. T.1*. Paris.
41. Lodge, R. A. (1997). *Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue*. Paris.
42. Lodge, R. A. (2002). «Francien» et «français de Paris». *Linx*, 12, 149–172.
43. Lodge, R. A. (2010). Standardisation, koïnésation et l'historiographie de français. *Revue de Linguistique Romane*, T. 74, 293–294, 5–26.
44. Lüdtke, H. (1972). Discussion sur la communication de R. Lepelley. *Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui* (pp. 434–436). Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka. Paris : Klincksieck.

45. Lusignan, S. (2004). *La Langue des rois au Moyen Âge. Le français en France et en Angleterre*. Paris.
46. Metzke, E. (1880–1881). Der Dialekt von Ile de France im XIII und XIV Jahrhundert. *Herrig's Archive*, 385–412; 57–96.
47. Paris, G. (1889). Les parlers de France. *Romania*, 17, 475–489.
48. Paris, G. (1890). *La littérature française au Moyen Age (XIe–XIVe ss.)*. Paris.
49. Picoche, J., Marchello-Nizia, Chr. (1996). *Histoire de la langue française*. 4ème éd. Paris.
50. Remacle, L. (1948). *Le problème de l'ancien wallon*. Liège.
51. Rychner, J. (1960). *Contribution à l'étude des Fabliaux. Variantes, remaniements, dégradations*. Genève.
52. Robson, C. A. (1956). Literary language, spoken dialect and the phonological problem in Old French. *Transactions of the philological Society 1955* (pp. 117–180). Oxford : Blackwell.
53. Segre, C. (1976). Critique textuelle, théorie des ensembles et diasystèmes. *Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques*, T. 62–5, 10–11, 279–292.
54. Simoni-Aurembou, M.-R. (1973). Le français régional en Ile-de-France et dans l'Orléanais. *Langue française*, 18, 126–136.
55. Simoni-Aurembou, M.-R. (1973-1978). *Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais (île de France, Orléanais, Perche, Touraine)*. Paris.
56. Stanovaia, L. A. (2003). La standardisation en ancien français. *The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII)* (pp. 241–272). Leuven : Leuven University Press.
57. Stanovaia, L. A. (2007). Traits typiques des scripta anglo-normandes. In D. Trotter (Ed.), *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes T. II* (pp. 423–440). Tübingen : Max Niemeyer Verlag.
58. Trotter, D. (2006). «UNE ET INDIVISIBLE»: Variation and Ideology in the Historiography and History of French. *Revue Romane de Linguistique (București)*, LI. (2), 359–376.
59. Videsott, P. (2013). Les débuts du français à la Chancellerie royale: analyse scriptologique des chartes de Philippe III (1270–1285). *Revue de Linguistique Romane*, 77, 3–49.
60. Vorobei, M. (2018). La vocalisation du 'l' dans les scriptas centrales. *Histoire et évolution du français*, 4 Nouvelles voies d'accès au changement linguistique, 413–420.
61. Zumthor, P. (1987). *La lettre et la voix. De la «littérature» médiévale*. Paris.
62. Wacker, G. (1916). *Über das Verhältniss von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen*. Halle.
63. Woledge, Br. (1970). Un scribe champenois devant un texte normand. Guiot, copiste de Wace. *Publications romanes et françaises. Mélanges de langue et de littérature du Moyen Age et de la Renaissance offerts à J. Frappier T. II*. (pp. 1139–1154). Genève : Droz.
64. Woledge, Br., Short, I. (1981). Liste provisoire de manuscrits du XIIe siècle contenant des textes en langue française. *Romania*, T.102, 1, 1–17.